

ИГОРЬ МАРАНИН

Профессор Ерёмин и осколки скрижалей

РАССКАЗЫ ФАНТАСТИЧЕСКОГО
СОДЕРЖАНИЯ

Игорь Маранин

**Профессор Ерёмин и осколки
скрижалей. Рассказы
фантастического содержания**

«Издательские решения»

Маранин И.

Профессор Ерёмин и осколки скрижалей. Рассказы фантастического содержания / И. Маранин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-853044-9

Маленький кусочек камня с двумя потемневшими рунами лежал на дубовой столешнице перед профессором. Он недолго рассматривал его, прежде чем взять в грубые обветренные руки. Ни дорогой массивный стол, ни книжные стеллажи с полутора тысячами книг вдоль высоких стен, ни большая люстра венецианского стекла или мягкий персидский ковёр на полу не сочетались с этими руками. Руки скорее подошли бы матросу или докеру в порту, откуда долетали гудки швартующихся и отплывающих кораблей.

ISBN 978-5-44-853044-9

© Маранин И.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава 1	8
в которой читатель знакомится со вспыльчивым профессором и его юной гостьей	8
Глава 2	10
в которой читатель узнает, как осколок Скрижалей попал в руки девушки	10
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Профессор Ерёмин и осколки скрижалей Рассказы фантастического содержания

Игорь Маранин

© Игорь Маранин, 2017

ISBN 978-5-4485-3044-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

«...и тогда снег покрыл виноградники, вымерзли в садах деревья, а на севере сковал моря лёд. Проснулись горы, и потекла из них раскалённая лава, в лесах звери ели друг друга и нападали на человека, и вскоре человек уподобился им, нападая и убивая. Дух человеческий обратился кожей, ибо не мог больше согреть человека, но и она не спасала от холода – и люди обдирали шкуры с убитых животных и заворачивались в них. По земле проносились смерчи, опустошая её, морские волны поднимались до облаков и обрушивались на берег. Нигде не было покоя согрешившему роду Мицраима.

Род Гефера, не преступивший запрета, собрался тогда в райских садах, ибо призвал их Бог со всей Земли и наказал не бояться стихий. У ворот рая поставил Он ангела с огненным мечом, и наказал ему охранять сад, и ни один лист после того не облетел с райских деревьев. Когда же по прошествии сорока дней стихии успокоились, то вышли люди из рая и не узнали Земли – так она изменилась. И не узнали люди прежних братьев своих – так изменились те.

Всех людей из рода Гефера насчитывалось семьдесят семь тысяч. Старейшины семей их заключили Завет с Богом, и с того дня ведётся ими нынешний счёт лет. Для потомков Мицраима же явлены были скрижали в долине Месопотамской, и выбиты в камне заповеди, коим надлежит следовать, чтобы спастись. Выйдя из рая, праведники оделись в кожаные одежды, подобно грешникам, и, разойдясь по всей Земле, поселились в племенах малых и больших, увещевая и направляя. И дивились люди их способностям прозревать, что будет завтра, и врачевать болезни и раны, и разговаривать между собой через земли и океаны. То было Время Пророков, а продолжалось оно две тысячи лет.

Но даже праведные – всего лишь люди. Тело пророка было долговечнее тела обычного человека, но и оно изнашивалось, старело и умирало. Когда первое поколение пророков сменилось вторым, второе – третьим, а третье – четвёртым, настал час возвращения Змея. До тех пор он таился под землёй в неведомых глубинных пещерах, ибо праведные были сильнее его. Они были сильнее, но исправить грешную природу братьев своих не могли. Вновь и вновь они лечили народившихся грешников словом, пока не возгордились некоторые из пророков, решив, что слов недостаточно. Что нужно не проповедовать, а принуждать. И Время Пророков сменило Время Царей. То была эпоха великих государств и великих войн, ибо теперь каждый имел свою меру истины вместо общей. Споры перерастали в ссоры, ссоры – в войны. Цари собирали армии и шли воевать друг с другом, и гибли тысячи и десятки тысяч с обеих сторон. Между людьми поселилась ненависть, и кровь убитых просочилась сквозь землю в глубины её, и оттуда вернулся Змей, ибо сказано было ему при изгнании: обратно выйдешь ты только по дороге из человеческой крови. Продолжалось же Время Царей четыре века.

Остававшиеся в раю умолили Бога не напускать мор и язвы на Землю, заключив с Ним Последний Завет. Пока жив будет хоть один из них, или его потомки и пока будет он хранить слово и проповедовать Любовь и Добро, род людской не пресечётся. Затем последние из рода Гефера вышли из ворот, охраняемых ангелом с огненным мечом, и отправились по царствам увещевать правителей. Они призывали прекратить войны, покаяться и строить мир заново. Змей же нашептывал правителям иное, и возбуждал в них гнев и властолюбие, и страх. Видели цари: речи пришедших из рая приятны народам, и слушают их, и слышат. И называют народы своих царей падшими пророками, а пришедших – настоящими. И тогда Время Царей сменило Время Инквизиции. В долине Месопотамской взорваны были древние скрижали,

и остаток рода Гефера преследовали по всей земле, и расцвели в царствах колдовство и черная магия, ибо только с её помощью падшие пророки надеялись победить настоящих. И многие заключали в те времена союз со Змеем в обмен на тёмные знания. Время Инквизиции длилось десять раз по сорок лет».

(Дошедший до нас отрывок из Книги Судеб)

Глава 1

в которой читатель знакомится со вспыльчивым профессором и его юной гостьей

Маленький кусочек камня с двумя потемневшими рунами лежал на дубовой столешнице перед профессором. Он недолго рассматривал его, прежде чем взять в грубые обветренные руки. Ни дорогой массивный стол, ни книжные стеллажи с полутора тысячами книг вдоль высоких стен, ни большая люстра венецианского стекла или мягкий персидский ковёр на полу не сочетались с этими руками. Руки скорее подошли бы матросу или докеру в порту, откуда долетали гудки швартующихся и отплывающих кораблей. Седая бородка клинышком, очки в золотой оправе – ну какой из этого профессора докер? Тем не менее, эти руки были руками учёного – профессора археологии.

– Вы знаете, сколько мне лет, юная барышня? – поднял он глаза на молодую особу, стоявшую по другую сторону стола. – Нет, вы не знаете, сколько мне лет! В ваши годы все, кто старше тридцати – дряхлые старики. Ну, так я вам скажу! Я – не молодящаяся дамочка, чтобы скрывать свой возраст. Когда вашей маме было восемнадцать, я уже раскопал Двою, понятно?

Девушка кивнула.

– Ах, вам понятно! И после этого вы приносите мне кусок старого камня, утверждая, что это осколок Скрижалей! Зарубите себе на своём милом носике: за свою жизнь я видел столько «священных осколков», что из них можно было собрать двадцать Скрижалей. Двадцать! А вы... стыдно, девушка, стыдно!

– Сергей Александрович...

– Алексеевич!

– Сергей Алексеевич...

– Как может человек мнить себя знатоком, – окончательно вышел из себя профессор, – не зная моего отчества?! Это просто невежество какое-то!

– Сергей Алексеевич...

– Оголтелое, возмутительное, беспардонное невежество! Не поинтересоваться, как зовут человека, к которому идёшь...

– Профессор!! – девушка нетерпеливо притопнула ножкой, не зная как прервать ворчание археолога. Вопреки заявлению профессора, она вовсе не была невеждой, скорее наоборот – выделялась на фоне своих ровесников начитанностью, эрудицией и умением анализировать прочитанное и услышанное. Была она не то чтобы красива, но по-своему хороша, из того типа женщин, которые становятся не только подругами, но и верными друзьями. Волосы убраны в длинный тёмный хвост, шёлковая рубаха выпущена по моде на шаровары, на ногах же – не туфельки на каблучках, а ухоженные, но хорошо растоптанные и удобные для ходьбы полукеды. Но хозяин кабинета этого не видел. Вернее, не замечал. Побагровев, он медленно поднялся из-за стола и рявкнул:

– Топать на меня ногами?!?! В моём кабинете?! Во-о-он!!!

И вспыльчивый профессор со всей силы запустил камень в сторону двери. Девушка испуганно отшатнулась, камень со свистом пролетел мимо и, ударившись о толстую металлическую дверь, отскочил на пол, расколовшись на части.

– Старый идиот! – выругалась девушка.

Дойдя до двери, она присела на карточки и стала собирать осколки. Сергей Алексеевич опустился в мягкое кресло и что-то невнятно пробормотал. Затем схватил книгу и, закрывшись ею как щитом, устался в текст. Некоторое время он так и сидел, но вскоре ему надоело, и седая бородка клинышком показалась из-за обложки.

– Вы долго ещё будете копошиться? – язвительно спросил он.

– Профессор, – не оборачиваясь, тихо произнесла гостья, – посмотрите. Это очень странно!

Чувствуя некоторую вину и уже почти успокоившись, Сергей Алексеевич выбрался из-за стола и, ворча под нос, направился к ней. Присел рядом, взял грубой рукой один из осколков и удивленно воскликнул:

– Мать моя женщина!

Каменный скол с обратной стороны явил его глазам те же руны. Так было и на втором осколке, и на третьем... Профессор взял самый крупный кусок, с силой ударил его о дверь и, расколов, обнаружил, что внутри камня руны повторяются.

– Мать моя женщина! – снова пробормотал он.

– Отец мой мужчина! – передразнила его девушка. – Вы знаете, как это объяснить?

– Я? – переспросил Сергей Алексеевич. – Нет! Но в мифологии об этом упоминается. Пойдите, где же это? А, шестая полка с восточной стороны, третья секция...

Он встал – медленно, всё ещё ошарашенный увиденным, взял с полки толстый сборник мифов в тёмном переплете, и, отыскав нужную страницу, прочитал вслух:

«Мастер Аарон и братья его строили Скрижали из камня церзиум, который похож на обычный, но благословлён самим Господом. Сей камень обладает удивительным свойством: выбитое на нём не утратится, пока существует хотя бы мельчайшая частица его. Если отколоть от камня одну часть, разделив надвое, то надпись окажется на обоих камнях. Если измельчить его на много частей, то и тогда надпись будет на каждой. Даже если глаз человеческий не в силах различить на крошечной пылинке церзиума руны, следует знать, что они остаются там целы и невредимы».

Профессор захлопнул книгу и внимательно посмотрел на девушку.

– Между прочим, – заявил он. – Это вовсе не какое-то волшебство! Необычный феномен – да. В науке он известен как голографический эффект. Если создать голограмму, утверждают они, а потом разделить её на две части, то обе дочерние будут сохранять всю информацию изначальной материнской голограммы. Есть даже гипотеза, что по этому принципу устроена вся наша Вселенная. Но, мамонт меня забодай, церзиум существует! Девушка, дайте я вас расцелую!

– Я, я... – попыталась увернуться гостья, но ей это не удалось.

– И запомните на всю жизнь! – торжественным голосом заявил профессор минутой спустя. – Запомните и расскажите детям и внукам! Вас самолично расцеловал профессор Ерёмин Сергей Алексеевич – это ли не лучшая награда для любителя археологии?!

Глава 2

в которой читатель узнает, как осколок Скрижалей попал в руки девушки

Мягкий свет люстры, некогда привезённой профессором из Аммурианума, городка стекольщиков на одном из островов Венецианской лагуны, падал на тёплый ворс ковра из Исфахана, древней столицы персов. Светлые кресла в стиле арт деко доставлены были из знаменитой мастерской в Брно, толстая сигара сделана вручную в Доминикане, а старинные запонки из драгоценных пуговиц, соединённых тонкой золотой цепочкой перешли по наследству вместе с двухэтажным домом из восьми комнат, гостиной, кабинета и большого подвала, где в одной из половин хранилось в бочках и толстых бутылках дорогое старое вино, а в другой располагалась лаборатория. Аристократическая обстановка эта, впрочем, резко контрастировала с импульсивным и непоседливым характером профессора. В своём родовом гнезде он проводил лишь два зимних месяца, а весной уезжал на очередные раскопки. Там он без труда довольствовался самым необходимым: жил в палатке, носил рабочую одежду, ел вместе со всеми за столом и даже мысль о том, чтобы благоустроить свой походный быт не приходила Сергею Алексеевичу в голову. Двух месяцев отдыха, чтения книг, встреч со старыми друзьями, посещения театральных премьер и зимних конных бегов на ипподроме вполне хватало ему для восстановления сил.

Жизнь его юной гостью Дареджан была совсем иной. С детства она подрабатывала, помогая матери – крикливой и пышногрудой красавице из Аштарака, что продавала фрукты на армянском базаре. Отец Дареджан – смуглый толстяк с крупным носом был для семьи скорее обузой из-за увлечения картами и хорошим коньяком. Громкие скандалы между родителями, свидетелями которых была вся армянская улица на окраине Ахтиара, ссоры и примирения, обвинения друг друга в изменах (мнимых и настоящих) и даже шумные потасовки – всё это породило у девочки желание вырваться за базарный круг совсем в раннем возрасте. В двух кварталах от их двора была антикварная лавка, которую держал двоюродный брат матери, и юная Дареджан пропадала там всё свободное время, играя старинными куклами, рассматривая необычные вещи и читая вместо сказок и романов древние рукописи. Были там и книги по археологии, в том числе и первое издание «Истории одного улья» профессора Ерёмина, ныне совершеннейшая библиографическая редкость. Одно время Дареджан даже упрашивала мать дать денег на учёбу в археологическом университете, но та искренне не понимала, чем глиняные черепки и человеческие черепа лучше мандаринов и персиков.

Торговля на базаре, справедливости ради, немало дала девушке. Она научила трезвому расчету, умению постоять за себя, хитрости и познакомила Дареджан с огромным количеством людей из самых разных социальных слоёв. Поэтому когда она всё же уговорила дядю взять её в свою лавку помощницей, прежние знакомые нередко заходили, принося с собой, как им казалось, антиквариат. И всё же девушка была удивлена, когда в четвёртый день третьей декады первого месяца года, в лавку заглянул Кривой Кондратий, самый нищий из всех нищих Ахтиара. Про него говорили, что он настолько беден, что не имеет даже кепки для сбора милостыни. Долговязый и худой, со скрюченными пальцами, он сидел на краю базара, у будки сапожника и вместо кепки перед нищим был расстелен грязный кусок мятой тряпки. Среди торговцев про него ходили странные и весьма противоречивые слухи. За долгие годы попрошайничества

он оброс целым ворохом легенд и суеверий. Одни боялись его скрюченных пальцев и утверждали, что «кого хватит Кондратий – тот три дня не проживёт». Другие, наоборот, верили, что в больных пальцах его живёт великая целебная сила, но только для того, кто понравится нищему. Родители Дареджан, при всех своих недостатках, были людьми добрыми, и нередко подавали худому старику. Отец – с редкого выигрыша в карты. Мать – в пятый день первой декады месяца, она верила в Скрижали и почитала день, когда по преданию они были установлены. Деньги обычно относил Дареджан, среди верующих считалось, что чем старше человек, тем хуже он виден Богу. Вот дети – те как на ладони.

Ещё больше удивилась Дареджан, когда положив на прилавок свою грязную тряпицу, Кондратий бережно развернул её и достал оттуда камень с рунами.

– Не на продажу, – сказал он. – Нельзя продавать.

И не успела девушка спросить, откуда он взял свою находку и зачем принёс ей, как нищий развернулся и ушёл. То, что это, возможно, осколок Скрижалей, Дареджан сообразила сразу. Но также она знала и о том, что до сих пор ни один подобный осколок не признан настоящим артефактом. Требовался эксперт – опытный, маститый. Тут-то и вспомнила девушка об «Истории одного улья». Записала имя автора и вскоре узнала, что живёт он здесь же в Ахтиаре, да ещё как раз в эти дни находится в городе. Редкая удача. А может быть и не удача вовсе? Может быть, знак судьбы?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.